

А. А. Симакова

(Минск, Белорусский государственный университет)

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОДИЦЕИ В ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Экзистенциализм, возникший в начале XX века в период между двумя мировыми войнами, обнаружил переломные моменты в жизни человека и общества в целом. Столкнувшись с глобальными проблемами XX века, экзистенциалисты рассматривали человека во всем многообразии его эмоций и переживаний, поднимая

вопросы уникальности каждого отдельного человека во всей полноте его чувств и переживаний.

Философы-экзистенциалисты, обращаясь к трагичности человеческого бытия, рассматривали человека, находящегося в кризисном положении. Огромное значение уделялось проблеме несоответствия внутреннего и внешнего мира человека, их дисгармонии и, как следствие, проблеме отчуждения и одиночества личности. Вопросы, некогда волновавшие великого Когелета, стали невероятно актуальными в XX веке: вопросы о месте и роли человека в мире, вопросы о смысле жизни и проблема выбора своего жизненного пути.

Именно этим можно объяснить интерес экзистенциалистов к религии и библейскому тексту в том числе, в результате чего появляется такое направление в философии, как религиозный экзистенциализм (С. Кьеркегор, М. Бубер, К. Ясперс, Н. Бердяев), характеризующийся попыткой найти утраченный путь к Богу. Огромное значение для религиозного экзистенциализма имела Книга Иова, притча о грехопадении, а также притча о жертвоприношении Авраамом своего сына Исаака.

Кроме того, экзистенциалисты интересовались проблемой свободы воли и выбора, который человеку постоянно приходится совершать. Однако под свободой воли и выбора они понимали не столько влияние окружающих факторов на человека, сколько его внутренние побуждения. Человек рассматривался как самостоятельно действующее существо, не детерминированное какими-либо внешними факторами. Свобода человека заключается именно в том, чтобы он выбирал самостоятельно, как ему следует поступать в той или иной ситуации, не подвергаясь действиям внешних факторов.

Экзистенциалисты критиковали философию эпохи Просвещения, говоря о том, что предметом изучения должен стать человек и его подлинное бытие, которое можно изучить только через подлинное существование человека (или экзистенцию). Именно в пограничных ситуациях, в которых человек оказывается, и проявляется его экзистенция.

Огромное значение имел также религиозный экзистенциализм, который был представлен такими выдающимися философами, как Мартин Бубер (1878–1965), Франц Розенцвейг (1886–1929), Эммануэль Левинас (1905–1995), для каждого из которых проблема зла в мире была жизненно важной. М. Бубер и Э. Левинас стали свидетелями событий Второй мировой войны и Катастрофы, однако, как и библейский герой, не утратили свою веру в Бога даже после всех пережитых ими событий. Центральное место в их философии занимала концепция диалога между Я и Вечным Ты, как называл Бога М. Бубер. Постичь Бога, по его мнению, можно

лишь через прямой диалог с Ним, через непосредственное личное взаимоотношение с окружающим миром: с обществом, природой, культурой. Основу же диалогизма заложил Ф. Розенцвейг, который полагал, что отношения между Богом и человеком есть не что иное, как отношения взаимной любви. Бог вступает в отношения с человеком через Откровение, которое, приобретая словесное выражение, проявляется в форме призыва. Человек вступает в истинный диалог с Богом только тогда, когда отвечает на Его призыв.

Основоположителем религиозного экзистенциализма можно по праву считать датского философа Сёрена Кьеркегора (1811–1855). Именно им была введена категория абсурда. Философия Кьеркегора представляет собой полемику с идеями философии Просвещения, с философией Лейбница, Канта и Гегеля.

В 1843 году увидело свет сочинение С. Кьеркегора под названием «Страх и трепет», в основу которого положена известная притча о жертвоприношении Авраамом сына Исаака (ивр. אַבְרָם וְאַיְשָׁתוֹ, акедát Иццхак – букв. «связывание Иццхака»). Рассматривая данный библейский сюжет, Кьеркегор пытается объяснить основные принципы религиозного экзистенциализма – абсурд, парадокс, страх, отчаяние.

Вспомним саму притчу: *«И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я. Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и поиди в землю Мориа и принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой я скажу тебе. Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколол дров для всесожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог. На третий день возвел Авраам очи свои, и увидел то место издалека. И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам. И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе. И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе. И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего,*

единственного твоего, для Меня. И возвел Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна и принес его во всесожжение вместо Исаака, сына своего» (Быт 22:1–13).

Стоит отметить, что притча о жертвоприношении Авраамом сына Исаака может рассматриваться как первая попытка выражения проблемы теодицеи в Библии. Несомненно, наиболее остро она поставлена в Книге Иова, но уже здесь мы можем видеть первые попытки рассмотреть проблему вторжения зла в жизнь праведного человека. Напомним, что Исаак был долгожданным и очень поздним ребенком Авраама и Сарры. Именно этот факт иллюстрирует всю ту безграничную любовь, которую испытывал Авраам к своему сыну. И весь трагизм ситуации заключается не только в том, что Авраам должен был принести в жертву своего ребенка, но и в том, какое место занимал этот ребенок в его жизни. В главе под названием «Общий смысл» Кьеркегор пишет, что много раз он мысленно пытался стать свидетелем того, что происходило с Авраамом, *«когда Авраам поднял глаза и увидел вдаль гору Мориа, в тот час, когда он отпустил ослов и один взошел на гору с Исааком; ибо то, что им двигало, было не искусственным трепетом фантазии, но содроганием мысли»* [2, с. 18].

Рассматривая поступок Авраама, философ пытается доказать, что библейский герой принципиально отличается от обычных трагических героев. Вся ситуация жертвоприношения наполнена противоречиями, и по мнению Кьеркегора, представляет собой иллюстрацию веры, в основе которой лежит одна из главных категорий экзистенциализма – абсурд. Авраам был великим человеком, и, как писал Кьеркегор, *«он был велик мощью, чья сила лежала в бессилии, велик в мудрости, чья тайна заключалась в глупости, велик в той надежде, что выглядела как безумие, велик в той любви, что является ненавистью к себе самому»* [1, с. 23]. Идя с сыном к горе Мориа, Авраам подчинялся воле Бога, но не стоит исключать, что он был полон надежды на то, что Бог не позволит свершиться ужасному – не позволит умереть его единственному сыну. Авраам покоряется Богу, он полон веры. И именно эта вера дает ему силы подняться на гору Мориа и привести вместе с собой своего единственного сына.

Авраам подвергается тяжелейшему испытанию со стороны Бога – он должен убить собственного ребенка, сына Обетования, единственного и самого долгожданного. Ситуация с Авраамом напоминает ситуацию с Иовом, когда праведного человека, следующего неукоснительно заповедям Бога, испытывает сатан с позволения Самого Бога. Зло также неожиданно вторгается в его жизнь, но он продолжает верить – верить и страдать. Так же и Авраам –

он долгое время был избранником Бога, но Он же и подверг его тяжелейшему испытанию, говоря принести в жертву Исаака.

Кьеркегор указывает на несовершенство мира: *«здесь вновь и вновь повторяется то же самое: свой хлеб обретает тот, кто не работает, а тому, кто спит, он гораздо доступнее, чем тому, кто трудится. Во внешнем мире все принадлежит тому, у кого оно уже есть, внешний мир подчиняется закону всеобщего безразличия»* [2, с. 29]. Однако есть иной мир, в котором все подчинено законам справедливости и совершенства – это мир духа, где каждый получает награду или наказание по своим заслугам, а хлеб имеет тот, кто работает, где наказуемы те, кто совершил преступление, где *«только тот, кто поднял нож, обретает Исаака»* [2, с. 29].

Авраам выступает у Кьеркегора как «рыцарь веры». Именно такое именование дает он библейскому герою, противопоставляя его герою трагическому или романтическому. Ставя себя на место Авраама, но не как рыцаря веры, а как трагического героя (так как, по мнению Кьеркегора, рыцарь веры находится на много уровней выше, нежели трагический герой), философ говорит о том, что он, возможно, так же, как и библейский герой, принял с покорностью повеление Бога, взял бы нож, веревку и пошел бы на гору Мориа. Но это совсем не означает, что он стал бы таким же рыцарем веры, как Авраам. Если бы в последний момент он замешкался и стал просить у Бога пощадить своего сына, он нарушил бы ход всех событий. Но если бы он подавил в себе свою любовь к собственному сыну, жертвоприношение стало бы простым убийством человека.

Авраам, по мнению Кьеркегора, с достоинством выдержал всю ситуацию, как и подобает истинному рыцарю веры: *«он пришел ни слишком рано, ни слишком поздно. Он взобрался на осла, он медленно ехал по дороге. И в течение всего этого времени он верил; он верил, что Бог не потребует у него Исаака, между тем как сам он был все же готов принести его в жертву, если это потребуются. Он верил силой абсурда, ибо по всем человеческим расчетам, речь не могла идти о том – в этом-то и состоял абсурд, – чтобы Бог, потребовав от него этого, в следующее мгновение вдруг отказался от Своего требования»* [1, с. 36]. Вера, полагал Кьеркегор, неотделима от понятий абсурда и парадокса. Стремясь к самосовершенствованию, стремясь к самоотречению, человек обретает веру, которая наполнена парадоксами и абсурдом: *«движение веры постоянно должно осуществляться силой абсурда, причем так, заметьте, чтобы человек не терял при этом конечного, но целиком и полностью обретал его»* [2, с. 38].

Именно такое постоянное движение совершает рыцарь веры. То, каким мы видим такого рыцаря веры, есть не что иное, как ре-

зультат влияния на него силы абсурда. Но рыцарь веры никогда не стремится изменить себе и стать кем-то другим. Рыцарь веры всегда помнит о том, что происходило с ним в его жизни. И именно эти воспоминания причиняют ему страдания. Для рыцаря веры нет ничего невозможного – все то, что ему неподвластно, он переводит на духовный уровень, отказываясь от своего желания или стремления: *«желание, которое должно было вывести его в действительность, но разбилось о невозможность, теперь оказывается обращенным вовнутрь, – а потому оно не бывает потеряно и не бывает забыто»* [2, с. 43].

Важнейшим аспектом постижения истинной веры является самоотречение. Только пройдя через самоотречение, человек способен достигнуть истинной веры. Процесс самоотречения помогает человеку лучше понять себя, свое место и роль в этом мире, свою значимость. Самоотречение также есть способ примирить себя, свой внутренний мир и мир окружающий, внешний, с которым человеку постоянно приходится сталкиваться и взаимодействовать.

Таким образом, *«вера – это не какое-то эстетическое волнение, но нечто гораздо более высокое; как раз потому, что ей предшествует самоотречение, она не может быть непосредственным движением сердца, но только парадоксом наличного существования»* [2, с. 46].

Говоря об абсурде, как о неотъемлемой части веры человека, Кьеркегор говорит и о парадоксах, сопровождающих нашу веру: *«мое вечное сознание есть моя любовь к Богу, а она стоит для меня выше всего. Для того чтобы отречься, не нужна никакая вера, однако вера нужна для того, чтобы получить хотя бы ничтожно меньше, чем это мое вечное сознание, – в этом и состоит парадокс»* [2, с. 47].

Кьеркегор уверен в том, что человек может с легкостью отречься от всего того, что приносит ему благо и счастье, может переносить страх и боль, если он знает, что его любовь к Богу стоит превыше всего и занимает центральное место в жизни этого человека. Вера есть то, к чему каждый из нас должен стремиться всей своей душой, всей своей сущностью.

Тот, кто способен отречься от всего благого, что уготовано человеку в этом мире, ради тех благ, которые ожидают нас в мире вечном, обладает поистине великим мужеством. И это мужество есть мужество веры, которым, по мнению Кьеркегора, обладал и Авраам.

Какие бы испытания не выпадали на долю человека, только с помощью веры каждый может с достоинством их вынести. Вера способна дарить нам то, чего бы мы никогда не смогли достичь никакими иными способами, и, как следствие, дарить нам радость и покой, которые проистекают из того абсурда, который сопрово-

ждает веру: *«жить, таким образом, радостно и счастливо в каждое мгновение силой абсурда, каждое мгновение видеть, как над головой возлюбленной покачивается меч, и все же находить не покой в болезненной тоске самоотречения, но радость силой абсурда, – это и будет чудесным»* [2, с. 49].

Вера Авраама тоже есть великий парадокс: для доказательства этого достаточно представить всю тяжесть перенесенного им испытания, его страх, мучения, боль и тоску. Но, в то же время он не переставал верить в Бога ни на секунду. Вера сопровождала его на протяжении всего пути к горе Мориа, во время приготовления Исаака к жертвоприношению и даже в тот момент, когда он готов был вонзить нож в любимого сына. Абсурдность и парадоксальность ситуации заключается в том, что Авраам верил в Бога и соотносил эту веру с тем наказом, который был им получен от Него.

Все сочинение *«Страх и трепет»*, по словам самого автора, есть стремление показать, *«каким ужасным парадоксом является вера, парадоксом, который способен превратить убийство в священное и богоугодное деяние, парадоксом, который вновь возвращает Исаака Аврааму, парадоксом, который неподвластен никакому мышлению, ибо вера начинается как раз там, где прекращается мышление»* [2, с. 52].

Пограничные ситуации могут сделать человека великим. Однако величие это выражается не в тех факторах, которые повлияли на жизнь человека, но в том, как человек повел себя в такой пограничной ситуации, *«ибо не то, что случается со мной, делает меня великим, но только то, что я сам делаю, и не было еще на свете человека, который полагал бы, что кто-нибудь может стать великим, выиграв в лотерею»* [2, с. 61].

Кьеркегор также ставит вопрос о взаимодействии внутреннего и внешнего. Мы уже говорили о том, что экзистенциалисты большое внимание уделяли вопросу несоответствия внутреннего и внешнего мира человека, их противостоянию, а, как следствие, и проблеме отчуждения и одиночества личности. Рассматривая парадокс веры, философ отмечает, что сущность такого парадокса заключается в том, что *«существует такое внутреннее, которое совершенно несоизмеримо с внешним, такое внутреннее, которое хотя и не является тождественным первому внутреннему, но представляет собой некое новое внутреннее»* [2, с. 66]. Для веры внутреннее всегда выше внешнего, и каждый отдельный человек определяет свое отношение к внешнему миру через свое отношение к Богу, а отношение к Богу – через отношение к внешнему миру. Существует некий долг человека перед Богом, который он должен выполнять. И иногда случается так, что это долг и любовь

человека к Богу могут привести к совершению действий, которые с этической точки зрения противоположны тому, что велит совершать долг перед обществом.

Такая ситуация характерна для Авраама, который должен выполнить долг перед Богом и доказать Ему свою любовь и преданность, совершив с точки зрения общественности и этики неприемлемый поступок – убить сына, которого по всем законам этики он должен любить и беречь. Аврааму трудно ответить, зачем он должен это совершить, но он знает лишь то, что это испытание, посланное ему Богом, которое он должен выдержать, чтобы доказать свою преданность Богу. По мнению Кьеркегора, «вера никак не может быть опосредована и введена внутрь всеобщего, поскольку в этом случае она оказалась бы снятой. Вера есть такой парадокс, и единичный индивид вообще не способен сделать себя понятным для кого-либо другого» [2, с. 68].

Рассмотрим еще две очень важные для экзистенциализма категории – категорию страха и категорию нужды, которые выражаются в ситуации с Авраамом в том, что он никому не может рассказать о том, что на самом деле происходит. Он может попытаться объяснить, что именно является причиной его действий, но весь трагизм заключается в том, что он не может с помощью обычных слов объяснить это так, чтобы его поняли: *«Он может сказать что угодно, однако одного он сказать не может, и даже если б он мог это сказать, не может сказать так, чтобы другой понял; а потому он и не говорит»* [2, с. 103]. Но тот страх, который испытывает Авраам в преддверии того, что он должен совершить, уравнивается верой в Бога, Его силу, могущество и справедливость.

Исследуя притчу о жертвоприношении Исаака, Кьеркегор, по словам С. А. Исаева, создает «христианско-экзистенциальный образ человека», который «был призван преодолеть узкорационалистические традиции в этике, учесть “многослойность” внутренней жизни духа, продемонстрировать ее драматизм и развенчать просветительские иллюзии о гармоническом развитии личности, постепенно накапливающей все новые положительные душевные свойства» [3, с. 9]. И далее С. А. Исаев отмечает: «Как исследователь человеческой души, Кьеркегор предстает удивительно тонким наблюдателем и мыслителем. Его аналитические выкладки и жизненные впечатления о мотивах человеческих поступков, особенностях характеров и ценностных ориентаций поражают точностью и скрупулезностью описания, а также последовательностью в их нравственной оценке» [3, с. 9].

По мнению Кьеркегора, грехопадение Адама и Евы позволяет говорить о ничтожности человека и величии Бога. Такую концепцию

философ выражает в своем сочинении «Понятие страха». Однако человек, осознавая свое несовершенство, стремясь к постижению Бога, к любви к Богу, может преодолеть свою ничтожность. Человек есть источник греха в мире, а Бог – источник добра и благодати. Кьеркегор рассматривает человеческое существование как пребывание в постоянном отчаянии, которое является в свою очередь отправной точкой в движении человека к Богу. Отчаяние есть результат греховности человека, результат происходящего в мире зла.

В такой позиции понимания бытия человека во всей полноте переживаемых им страхов, страданий, мучений, отчаяния и нужды четко прослеживается влияние Вольтера, который не принимал учение многих философов о предустановленной гармонии (Лейбниц) и существования нашего мира как гармоничного и лучшего из возможных миров (Спиноза, Лейбниц).

На творчество Кьеркегора огромное влияние оказала и библейская Книга Иова, в которой наиболее четко и ярко отражена проблема теодицеи, проблема существования зла в нашем мире, его места и роли в жизни каждого человека. Можно говорить о том, что всю свою философскую концепцию Кьеркегор выстраивает вокруг ситуации Иова, потому что история библейского героя – яркий пример ситуации абсурда.

В своем эссе «Повторение» (1843) Кьеркегор повествует о молодом человеке, который находится во власти своей несчастной любви, которую герой воспринимает как наказание. Как и Иов, молодой человек стремится узнать, в чем заключается его вина. Вспоминая библейского героя, молодой человек говорит о том, что Иов сумел отстоять свою невиновность, в результате чего вернул себе свое благополучие и богатство. Именно такой процесс приобретения благ, которых Иов был лишен, Кьеркегор и называл «повторением». Но такое повторение может иметь место только в том случае, когда человек пропускает ситуацию через себя: либо признает свою вину и смиряется, либо стремится отстоять свою невиновность, как это делал библейский Иов.

Иова можно считать поистине экзистенциальным героем, который предстает перед нами в самый сложный момент своей жизни – он находится в пограничной ситуации, когда перед ним встают вопросы не столько своего личного существования, сколько вопросы, касающиеся всего общества в целом.

Отметим, что библейская Книга Иова для экзистенциализма играла крайне важную роль. По словам Г. В. Синоло, «не случайно Мартин Бубер, выдающийся еврейский мыслитель XX века, философ-экзистенциалист, считает Иова одним из наиболее ярких воплощений духовных усилий еврейского народа – осознания

внутреннего раздвоения и страстного стремления освобождения от него, даруемого только благодатью» [4, с. 9].

Книга Иова, в свою очередь, продолжает привлекать внимание философов и мыслителей современности. Н. Глетцер, указывая на различие понимания библейской притчи, отмечал: «В то время, как одни рассматривают Иова как святого, другие видят в нем скептика, бунтаря против Бога, или дуалиста, или человека, которому не хватало знаний, или последователя Аристотеля, который отрицал Божественный Промысел, или “козла отпущения”, или прототипа саббатинского мессии и т. д.» [Цит. по: 4, с. 632].

Многие мыслители олицетворяли Иова с еврейским народом, с его страданиями и лишениями, горестями и тяготами, вопреки которым народ Завета продолжал верить в Единого Бога. Наиболее отчетливо такая позиция проявилась в XX веке, когда мир всколыхнули Первая и Вторая мировые войны, события Катастрофы, массовое уничтожение людей в лагерях смерти, в печах Освенцима и Биркенау. Вопросы, которые задавал Иов Богу, теперь уже рассматриваются сквозь призму трагических событий XX века.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М., 2000.
2. *Кьеркегор, С.* Страх и трепет / С. Кьеркегор / общ. ред, сост. и пред. С. А. Исаева. М., 1993.
3. *Исаев, С. А.* «Диалектическая лирика» С. Кьеркегора / С. А. Исаев // С. Кьеркегор. Страх и трепет / общ. ред., сост. и пред. С. А. Исаева. М., 1993.
4. *Синило, Г. В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа (Ветхого Завета) / Г. В. Синило. М., 2008.